

ЖИТЕЛЬНИЦА БЛОКАДНОГО ЛЕНИНГРАДА ПЕРОВА ТАТЬЯНА ГРИГОРЬЕВНА

Моя девичья фамилия Язовицкая. Родилась 11 января 1933 года в Ленинграде на Васильевском (Васькином) острове. Жила с родителями на 5 линии. Отец был моряком торгового флота и подолгу находился в плавании. Мать работала редактором газеты «Красный Октябрь», многотиражка одноименного завода. В 1940 году я пошла в 1 класс в знаменитую «Школу Шаффе» на той же 5 линии, недалеко от нашего Ома. Школа, конечно же, носила положенный номер, но ее продолжали именовать по имени давнего и уважаемого дореволюционного создателя, кажется, немца по происхождению.

Самые страшные блокадные месяцы с сентября 1941 по сентябрь 1942 года я находилась в Городе. Только в октябре 1942 года наша семья смогла эвакуироваться. Вывозили по Ладоге на катерах до Кабоны на восточном берегу. Это была знаменитая и опасная «малая траса водной «Дороги жизни». Катер, вышедший перед нами, немцы разбомбили. Катер, следовавший за нашим, немецкие самолеты тоже разбомбили со всеми людьми. Нас во время перехода также бомбили, но мы, две бабушки, я и младшая сестренка вместе с другими пассажирами спаслись. Весь процесс эвакуации был сплошным кошмаром, все молились, обращение к богу и надежда на чудо – вот единственное, что поддерживало наш дух. В войну многие люди обратились к богу и верили, но потом, к стыду нашему, отошли от веры. Уже эвакуированные, мы не имели твердой уверенности в благополучном исходе дела: были страшно истощены и ослаблены, еле тащили ноги, голодные. Покормили нас только в Кабоне на эвакуопункте. Кормили мини-дозами, понемногу, так как мы были крайне истощены, фактически дистрофики. К относительно нормальному питанию и новой (не блокадной) жизни надо было привыкать постепенно.

Когда началась война, наша семья находилась на даче в Ольгино. Как всегда по воскресеньям (а 22 июня 1941 года как раз было воскресенье), у нас на даче собрались многочисленные родственники. Погода стояла прекрасная: теплое летнее солнце, легкий ветерок с Финского залива. Взрослые танцевал под патефон, веселились. Вдруг кто-то в открытое окно крикнул: война! Все выскочили на улицу. В небе кружил самолет, немецкий, наверное. Вокруг него кружил наш истребитель, смелыми маневрами он заставил «немца» сесть на поле недалеко от поселка. Все бросились туда, но нас, детей, туда не пустили.

Вскоре мы переселились в город. Серьезных закупок продуктов в магазинах мы не успели сделать, а магазины быстро опустели. Мудрая наша бабушка, дореволюционный врач, дружила с академиком Павловым, предсказала долгую и тяжелую войну – ведь с немцами же воюем. Все это шло в разрез с мощной довоенной пропагандой о быстром разгроме врага, если он на нас нападет. Именно бабушка настояла, чтобы мы на полях за Выборгской стороной насобирали обломанные и выброшенные капустные листья, оставшиеся после уборки самой капусты. Мы набрали и заквасили целую бочку этих отбросов. Называлось это «хряпой». Вскоре у нас в комнате появилась «буржуйка», на нее водрузили большую кастрюлю, а в ней практически все время кипела вода. В ней мы и варили эту «хряпу» - хоть какая - то, но горячая еда.

Отчима моего, он работал на заводе имени Сталина на Выборгской стороне, теперь завод Турбоатомгаз, забрали в армию. Остались одни женщины бедовать блокаду.

Переели все, что можно было и даже нельзя: вываривали ремни, получалось что-то вроде супа, из горчичного порошка пекли лепешки. Мать ходила на пожарище Бадаевских складов, носила в ведрах землю, пропитанную сгоревшей мукой, сахаром, крупой, маслом. Заливали их водой и как-то добывали что-то питательное. Однажды сослуживец отчима принес нам дуранду – прессованный жмых (прессованные остатки подсолнечных семян после отжима масла). Это был деликатес. Его оставили к Новому году. Бабушка также

сохранила баночку маринованных грибов. Помню, что ее было очень трудно открыть, так как все мы были очень слабыми, а крышка плотная. А по карточкам к Новому году вдруг выдали длинные какие-то незнакомые шоколадки. Они по вкусу чем-то отличались от давно забытых довоенных шоколадок. Наверное, это был соевый шоколад.

Зимой 1941 года мои родственники начали постепенно умирать. Умирили и другие жители нашего дома. Кажется, в живых на весь дом осталось 2 – 3 семьи. Умерли дедушка и бабушка. Умирили они, пытаясь согреться, в одной постели. Мама повезла их на саночках на кладбище. Помогал ей наш начальник ЖАКТа. По дороге подошел какой-то мужчина с плетеной корзинкой, помог везти, завел какой-то странный разговор и вдруг попросил: дайте отрубить ляжку. Начальник ЖАКТа закричал: «Уходи, гадина, убью!»

Запомнился и еще один ужасный момент: как-то ночью просыпаюсь и чувствую запах жареного мяса. Отправилась из комнаты. Где мы все вместе жили на кухню, но меня тут же выгнали обратно в комнату. Каким-то необъяснимым чутьем я поняла, что там жарят крыс.

Все ужасы блокадной жизни сейчас и представить не возможно. Говорили, что в яслях, недалеко от нашего дома съели несколько малышей. Однажды, когда я еще могла выходить из дома, видела в подъезде труп. Его сначала кто-то раздел, а потом он уже лежал с отрубленными ногами. По нашим кроватям бегали крысы. Одеяла около лица и шеи ими были выгрызены.

Вскоре я совсем ослабла и умирала в постели. Со мной ложилась для тепла бабушка. Она – заслуженный врач, работала в Смольном (здесь размещался штаб обороны города и городской и областной комитеты партии, т.е. все высшие военные и партийные чиновники). Бабушка была очень скромной, но все же решилась выпросить дополнительный паек – бутылку соевого молока и немного урюка. Тихонько ночью под одеялом она меня и подкармливала, чтобы другие не видели. Я отопью немного молока, пожую несколько штук урючин – получаю жизненный заряд, какие-то силы жить еще немного, еще сколько-то.

Пока были силы, мы ходили в бомбоубежище Академии художеств. Старинное, построенное в 1765 году здание имело толстые кирпичные стены и перекрытия. Оно нам казалось верхом надежности. В подвале располагались нары, они были пронумерованы и закреплены за определенной семьей на определенное время, чтобы на них отдыхать. На Васильевском острове всегда жило много художников, жили они и в нашем доме, благо до Академии художеств было рукой подать. В подвале – бомбоубежище они располагались с мольбертами и писали картины, делали наброски карандашом. В долгие часы «отсидок» в подвале они рисовали портреты всех членов нашей семьи. Сохранился, к сожалению, только мой портрет. Восемилетняя девочка смотрит огромными глазами. Кажется, что от лица и остались только глаза. Но губы еще пухлые, щеки не ввалились. Голод постепенно делает свое дело и лишит девочку человеческого облика. Главные страдания впереди. Надпись сейчас еле читается, но можно разобрать: «20 ноября 1941 года. 7 часов 45 мин. вечера, в этот день тревоги еще не было».

Автора портрета мы узнали только в год 50-летия снятия блокады. Мама как-то говорила, что портрет написал сам знаменитый Бродский. Но мы как-то пошли в Академию художеств, чтобы уточнить имя автора. Только в секретариате нашлась старая сотрудница, как говорится, «бабушка – божий одуванчик». Она рассмотрела рисунок через старинное пенсне, потом взяла еще более старомодный монокль, затем к нему добавила увеличительное стекло, и наконец узнала. Радостно всплеснув руками, она вскрикнула: «Да ведь это же Петька Бучкин!». Так я узнала, что портрет, который как драгоценная память блокадных лет висит на стене, написан Петром

Дмитриевичем Бучкиным, автором многих картин о блокадном городе. Некоторые можно и сейчас увидеть в книге «Художники осажденного города», изданной в издательстве «Искусство» Н.И.Никифоровской в 1985 году. Особой правдой, суровой и честной, дышит картина «За водой». Перед нами зимняя улица и закутанные в многочисленные одежды люди. Они черпают воду из ледяной канавы в разные посуды. Вода течет по улице из разбитого водопровода. Картина проникнута атмосферой тревоги и напряженности, здесь присутствует непередаваемая словами атмосфера тревоги, отчаяния, напряженности и стремления выжить. Я вижу в ней еще и стремление не сдаться, преодолеть все, но не покориться врагу. Искусство лучше всего передает состояние жителей блокадного города.

Весной 1942 года город оживал. Дорога жизни по льду и воде Ладожского озера сделала свое дело. Мы надеялись выжить, не могло быть по-другому. Начали даже открываться школы. Правда зиму мы не занимались и весной пришлось сдавать экзамены экстерном за 1 и 2 классы. Я всегда была достаточно начитанной девочкой и думала, что экзамены сдам хорошо. В 1 классе вообще была круглой отличницей. Но сдала плохо – на одни тройки. До слез было обидно. А сдавали тогда чтение, русский язык и арифметику. Экзамены пришлось сдавать три дня подряд: как только придем в школу – или бомбежка, или артобстрел. Бежали срочно укрываться в бомбоубежище.

Блокада и все ее испытания – тяжелейшая травма для всех ее переживших. Услышала как-то по телевизору стук метронома – стало плохо. Напомнило блокадное время: стучит метроном по радио – идет обстрел или бомбежка. В блокаду у всех нас было непреходящее чувство голода, кажется, это чувство сопровождает тебя и сейчас через многие десятилетия. Сегодня (запись велась в 2006 году) меня, да и многих ветеранов, пугает другое: стариков снова морят голодом. Какие же немцы сейчас через 60 лет после победы заставляют их буквально по помойкам лазить.

К осени 1942 года, несмотря на лето и тепло, я окончательно ослабела, даже перестала ходить. В бомбоубежище меня таскали родственники. Но вскоре у них тоже кончились силы. Тогда в бомбоубежище перестали ходить все. Как раз после этого в него попала бомба. Были жертвы в бомбоубежище и в госпитале – этажом выше подвала. Нас же судьба пощадила.

У академии художеств на левом берегу Невы стоял крейсер «Киров». Периодически его отводили к правому берегу, чтобы орудия крейсера могли вести огонь по немецким позициям за Пулковскими высотами. Немцы в отместку бомбили и обстреливали его место стоянки. Бабушка называла его «идол». Доставалось-то в первую очередь окружающим домам и мирным жителям. Но такова была жестокая логика войны, она диктовала свои понятия о безопасности людей.

Эвакуироваться мы смогли благодаря отчиму. Он организовывал эвакуацию завода в Сибирь. С рабочими и оборудованием завода эвакуировали членов семей заводчан. Главный механик завода Петр Александрович Авксентьев узнал из маминого письма, что мы буквально погибаем, и послал официальный вызов с большой земли. Благодаря ему нам удалось переправиться через Ладогу. Потом целый месяц добирались до места назначения. Наконец прибыли в г. Юрга Кемеровской области, к месту эвакуации. По дороге мы «потеряли» бабушку. Глее-то она упала в голодный обморок, а мы и не заметили – сами в полуобморочном состоянии находились. Потом она, слава богу, «нашлась» в Новосибирске в больнице для дистрофиков. Мы же у нашего спасителя по приезду ели целый день и, казалось, никогда не наедемся. Хозяева не успевали чистить, варить и жарить для нас картошку. Что же другое они-то могли еще нам предложить. В тылу тоже голодно – карточки, на рынках большие цены. Но уже нет блокады, безысходности. Какая радость была увидеть снова кошку – забываемо и, наверное, непонятно все это сейчас.

До 1952 года наша семья жила в Юрге. Там закончила школу, училась в Электро-механическом техникуме. Здесь же вышла замуж за Перова Виктора Павловича. Он учился в Челябинском штурманском училище, потом, как и положено, началась нелегкая жизнь авиационного офицера. Переезды, тревоги, полеты, неустроенный быт на новых аэродромах и дальних гарнизонах.

В 1975 году удалось вернуться в Ленинград. В самом городе без прописки устроиться на работу и прописаться было невозможно. В области положение – легче. Устроились работать

на Северную ТЭЦ, жили в Девяткино. Рядом с городом, но – в области. С тех пор жизнь нашей семьи связана с этими местами. У нас с мужем 2 сына. Один – психолог, другой – офицер МВД. За второго приходится постоянно беспокоиться - постоянные командировки в Чечню. Есть и внук Игорь. Внучка Катя учится в Вартемягах, в вечерней школе, заканчивает ее в этом году.

За долгую и тяжелую жизнь меня наградили медалями
«50 лет Победы в Великой Отечественной войне»
«60 лет Победы в Великой Отечественной войне»
«60 лет полного освобождения Ленинграда от блокады»
«Житель блокадного Ленинграда»
«Ветеран труда»

Однако, я, петербурженка в 6 поколении, блокадница не получила медаль «В память 300-летия основания Петербурга». Такая «забывчивость» наших новых чиновников вызывает горькое сожаление

Моя внучка Катерина Перова (крайняя справа) с классным руководителем Кощевой Р.В. и одноклассниками в 2006 году перед выпуском.

Рассказ записала 15 мая 2008 года ученица 10 класса Перова Катя

**Третий Всеволожский районный фестиваль
Православной культуры**

*Литературно-краеведческий конкурс
«Моей земли живительные силы»*

АВТОБИОГРАФИЧЕСКИЙ ОЧЕРК

***«Жительница блокадного Ленинграда Перова
Татьяна Григорьевна»***

**Кружок «Историческое краеведение»
на базе МОУ
«Всеволожская открытая (сменная) общеобразовательная школа № 2»
от МОУ «ДОД ДЦЮТ»**

**ученица 10 класса
Соболева Татьяна**

**Руководитель: учитель истории
Пушкина И.Ф.**

д. Вартемяги

2008 г.